

Уходя,...

3.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИРЭН БЛАВАТСКАЯ

Ирэн Блаватская

Уходя... 3

«Автор»

2026

Блаватская И.

Уходя... 3 / И. Блаватская — «Автор», 2026

Говорят, уходя — уходи. Но как быть, если твое сердце навсегда осталось там, откуда ты бежал? Финальная часть пронзительной трилогии «Уходя...» сводит все дороги в одну точку. Герои прошли через предательство, разлуку и боль, чтобы обрести хрупкий покой. Но тишина бывает обманчивой. В этой книге маски будут сорваны окончательно. Каждому придется ответить за каждое сказанное слово и за каждую ошибку прошлого. Сможет ли любовь исцелить шрамы, оставленные на душе? Хватит ли мужества простить тех, кого простить невозможно? И какая цена окажется справедливой за право назвать свой дом — крепостью, а своих близких — спасенными?

© Блаватская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирэн Блаватская

Уходя... 3

Глава

Уходя...

Мы слишком долго воевали друг с другом, чтобы не понять:
победа одного означает гибель обоих.

Глава 1

В гостиной роскошного загородного особняка царила камерная, почти музейная тишина, нарушаемая лишь едва слышным, уютным потрескиванием дров в камине. Но этот покой был обманчивым. Напряжение, вибрировавшее в воздухе последние несколько часов, никуда не исчезло — оно лишь перетекло в другую, более глубокую и зловещую плоскость.

Они сидели вдвоем на глубоких кожаных диванах: Ева, до сих пор не согрешавшая после ледяного мартовского ветра, и Алексей Петрович Крылатов — легендарная и пугающая фигура в мире большого бизнеса, человек, входящий в сотню богатейших людей планеты по версии журнала Forbes. Его могущественный холдинг «Крылатофф» жестко контролировал львиную долю всего фармацевтического рынка России. Для внешнего мира он был недосягаемым небожителем, но сейчас, глядя на бледную Еву, этот жесткий лидер выглядел искренне встревоженным.

Девушка, судорожно сжимая в ладонях чашку с горячим чаем, вкратце, дрожащим от перегрузок голосом рассказала ему о тех кошмарных событиях, которые лавиной обрушились на нее в последние месяцы.

— Знаете, Алексей Петрович... — Ева подняла на него огромные, полные затаенного страха глаза. — Буквально два дня назад там, в Дибровке, были страшные, серьезные разборки со стрельбой. Я была уверена... я всем сердцем верила, что на этом всё закончилось. Что все проблемы наконец разрешились и нам с Данькой больше ничего не угрожает. Но почему... почему они опять преследуют нас сегодня? Кто эти люди в бежевой машине? Я ничего, совершенно ничего не понимаю...

Алексей Петрович внимательно слушал её, слегка прищурился, а его холеное лицо казалось высеченным из камня. Он тяжело вздохнул, побарабанив пальцами по подлокотнику кресла.

— Мне докладывали об этих событиях в общих чертах, Ева, — медленно, веско произнес Крылатов. — Там были задействованы слишком серьезные, высокопоставленные люди. Все спорные вопросы, по моим сведениям, действительно должны были закрыться окончательно. Именно поэтому, несмотря на масштаб ЧП, ни единая строчка не просочилась в прессу и всё это не стало достоянием гласности. Наверху умеют прятать концы. Но мне самому странно: почему тебя, обычную девчонку с грудным младенцем, опять грязно преследуют сегодня? И кто, черт возьми, это может быть? У кого хватило наглости лезть к тебе?

— Вы извините меня, Алексей Петрович, — Ева виновато опустила голову, чувствуя себя неловко в интерьерах этого дворца. — Я меньше всего на свете хотела грузить Вас своими проблемами, вовлекать во всё это... Но мне правда... мне больше не к кому было обратиться. Паника просто отключила мозг.

— Ева, девочка, о чем ты вообще говоришь? — Крылатов резко нахмурился, в его голосе прорезалась искренняя, теплая отцовская строгость. — Какие еще «проблемы»? Я тебя с пятилетнего возраста знаю, ты для меня как родная. Даже не вздумай забивать себе голову этой

чушью. А вот о том, кто были эти ублюдки на заправке, и что конкретно они хотели от тебя получить, нам еще только предстоит выяснить. И поверь, я это выясню.

— Спасибо Вам, Алексей Петрович, — негромко прошептала она, чувствуя, как от его уверенного, сильного тона к горлу подкатывает волна благодарности. — Я всегда знала, что на Вас можно положиться в самую трудную минуту.

Крылатов на секунду замолчал, задумчиво глядя на огонь в камине, а затем перевел на нее пронизательный, тяжелый взгляд:

— Кстати, Ева... Ты упомянула этого мужчину. Араба. Салмана. Скажи мне, а он сам... он вообще в курсе, что на тебя и его сына всё еще идет эта бешеная охота? Что вас едва не убили на загородной трассе?

При упоминании имени Салмана Ева внутренне вздрогнула, словно её ударили хлыстом по незатянувшейся ране. Слезы, горькие, удушающие и некстати подступившие к горлу, мгновенно сжали спазмом дыхание. Она отчаянно, до боли в челюсти сжала зубы, сдерживаясь из самых последних, крошечных сил, чтобы не разрыдаться навзрыд прямо перед этим сильным человеком. Ева попыталась взять себя в руки, смахнула пальцем предательскую влагу с ресниц и едва слышно, разбито выдохнула в тишину гостиной:

— Нет... Он ничего не знает.

— Почему? — удивился Крылатов.

— Он... он ушел от нас, Алексей Петрович, — прошептала она, и в эту секунду плотина окончательно рухнула — крупные, горячие слезы брызнули из её глаз, оставляя дорожки на бледных щеках. — Ушел навсегда.

— Ева, девочка моя, ну тише, тише, не плачь... — Алексей Петрович мгновенно изменился в лице.

В глазах сурового миллиардера промелькнула искренняя, глубокая жалость. Он порывисто встал со своего глубокого кресла, пересел на мягкий диван рядом с поникшей, дрожащей девушкой и чисто по-отечески, крепко и бережно обнял её за плечи, прижимая к себе.

— Прости, я не хотел тебя расстраивать, не знал... Теперь послушай меня внимательно: пока я лично не выясню, кто эти твари, что они от тебя хотят, и пока полностью, под корень не решу эту проблему, вы с сыном будете жить здесь, в этом доме, с нами. У меня лучшая охрана в стране, периметр заблокирован. Здесь вам абсолютно ничего не угрожает. И вам безопасно, и мне на душе будет спокойно за тебя. Это не обсуждается.

— Спасибо Вам большое... — проговорила Ева негромко, утыкаясь носом в его плечо и судорожно вытирая слезы шелковым платком. — Я даже не представляю, что бы я делала без Вас. Наверное, меня бы уже не было.

— Ну полно, полно, вытри слезы, — Крылатов мягко отстранил её и тепло улыбнулся, пытаясь разрядить гнетущую обстановку. — Ты же знаешь, дом у нас большой, но... совершенно пустой. Колька со Светкой всё никак не уgomонятся, карьеристы чертовы. Всё заняты

своими акциями, контрактами, брендами, никак не родят мне нормального наследника. А я ведь не молодею, Ева. С возрастом начинаешь остро понимать, что огромный дом без детского смеха и плача — это не семейный очаг, а так... просто дорогая крыша над головой, бетон и мрамор. А теперь, пока вы с Данькой побудете с нами, у нас хоть появится иллюзия, что мы большая, настоящая, дружная семья. Сразу появится желание пораньше возвращаться с работы домой. Надеюсь, и тебе в нашей глуши не будет слишком скучно?

— Ну что Вы, Алексей Петрович, — Ева впервые за этот страшный день слабо, но искренне улыбнулась, вспоминая детство. — Мне всегда безумно нравилось бывать в Вашем доме. Здесь пахнет безопасностью.

— Ну вот и ладненько, договорились, — Крылатов поднялся с дивана, снова превращаясь в собранного, жесткого лидера. — Теперь я тебя оставляю. Мне нужно срочно переговорить со своим начальником службы безопасности, поставить им новые задачи по твоему вопросу. А ты располагайся, чувствуй себя как дома, отдыхай. Горничная уже приготовила для вас с малышом лучшую комнату на втором этаже. Скоро и Коля со Светкой из офиса подъедут, так что скучать тебе точно не придется...

Он ободряюще кивнул ей и стремительным, тяжелым шагом вышел из гостиной. Ева осталась одна у камина, слушая, как в тишине дома мирно посапывает её спасенный сын. Опасность отступила, но сердце всё равно ныло от звенящей, неизбывной тоски по человеку, который должен был быть здесь, вместо охраны Крылатова.

Было самое начало вечера, но за высокими, в пол, окнами особняка уже стояла глухая, непроницаемая мартовская темнота, и во дворе зажглось массивное наружное освещение, заливая ландшафтный сад холодным, призрачным блеском. В просторной, со вкусом обставленной гостиной Крылатовых было тепло и тихо. В камине ровно горел огонь, отбрасывая причудливые янтарные блики на дорогие обои и мраморный пол. Легкое, мерное потрескивание дубовых дров действовало успокаивающе на расшатанные, оголенные до предела нервы Евы.

Впервые за всю последнюю кошмарную неделю она наконец-то почувствовала себя в абсолютной безопасности. Здесь никто не угрожал, не запугивал, не выслеживал из окон тонированных машин и не грозился безжалостно лишить жизни самого любимого человека...

«Неужели... неужели еще совсем недавно у меня был любимый человек?» — пронеслась в голове горькая, обжигающая мысль, и слезы, которые, казалось, уже иссякли, опять без спроса потекли из глаз, обжигая щеки.

Ведь еще три дня назад она искренне считала себя самой счастливой женщиной в мире. Самой любящей, самой желанной. У нее был Салман, его сильные руки, его своенравный, но такой родной голос, и абсолютная, глупая вера в их счастливое, безоблачное совместное будущее... Неужели всё это было всего три дня назад? А кажется, что с той страшной секунды, когда за ним с сухим стуком захлопнулась входная дверь, прошла целая вечность. Секунда... короткое мгновение, в которое внутри Евы с треском сломалось что-то важнейшее, что поддерживало её во все трудные минуты и давало силы дышать и жить. Секунда, которая безжалостно, навсегда похоронила её любовь, её счастье, её девичьи надежды и грубо разделила жизнь на полное «до» и пустое «после».

До предела уставшая, эмоционально выжженная и опустошенная, Ева под этот тихий каминный треск наконец полностью расслабилась. Сон сморил её мгновенно. Сама того не замечая, она уснула прямо на глубоком диване, сиротливо положив голову на жесткий кожаный подлокотник.

Проснулась Ева от странного, забытого чувства уюта — кто-то очень бережно, невесомо укрывал её плечи. Открыв отяжелевшие веки, она вздрогнула от неожиданности. Перед ней, мягко улыбаясь, в инвалидном кресле сидел Коля. Он аккуратно расправлял пушистый шерстяной плед над её ладонями.

— Коля! Привет! — не сдерживая эмоций, вскрикнула девушка.

Она порывисто сбросила плед и буквально бросилась к нему навстречу. Сев на колени перед коляской, Ева крепко обняла друга детства. Они долго, очень долго не разжимали этих объятий, словно пытались через них вернуться в то время, где оба были абсолютно счастливы и целы.

— Привет, красавица, — Коля отстранился первым, и его глаза светились неподдельной, искренней радостью от этой встречи. — Тысячу лет мы с тобой нигде не сталкивались, со времен дачи... Что-то ты, подруга, сошла со всех орбит сразу. Но я безумно рад тебя видеть, честно.

— А я-то как рада... и правда, целая тысяча лет прошла, — Ева, всё еще шмыгая носом, всматривалась в его повзрослевшее лицо. Она по привычке по-свойски потрепала его по коротко стриженным волосам. — Колюня... ты так изменился. Повзрослел, возмужал, похорошел как!

— Ну... про меня-то ладно, тут всё давно ясно, — Коля с легкой, едва заметной самоиронией кивнул на колеса своего кресла, но тут же перевел восхищенный взгляд на нее. — А вот ты... Ты всегда у нас была первой красавицей, но сейчас я даже понять не могу... Что-то в тебе кардинально изменилось. То ли женственность какая-то нереальная появилась, то ли мягкость особенная, глубокая. Наверное, это всё от материнства. Кстати, принимай мои самые искренние поздравления!

— Коленька, спасибо тебе огромное, — Ева смущенно улыбнулась, вытирая пальцами остатки слез. — Ты, как обычно, в своем репертуаре — всегда умел сказать девушке самое приятное.

— Я, кстати, только что видел твоего малыша там, в малой спальне... Забавный такой крепыш, богатырь растет.

— Как видел?! Где?! — Ева испуганно встрепенулась, её материнский инстинкт мгновенно включился на полную мощность. — Ой, мамочки, я же совсем уснула, забыла обо всем! Он, наверное, проснулся и весь дом уже на уши поднял?!

Она уже собиралась в панике вскочить и бежать на второй этаж, но Коля перехватил её за руку.

— Ева, да угомонись ты, сиди, — рассмеялся он. — Нина Сергеевна уже нашла с ним общий язык. Она от него не отходит.

— Коля, он же голодный! Его пора кормить, я же его только грудью кормлю!

— Ну, извини, дорогая, чего нет, того нет, — Коля забавно развел руками. — Нина Сергеевна уже покормила его специальной детской смесью, и все необходимые процедуры проделала. Она у нас бабушка с колоссальным опытом, так что не переживай. А вот с тобой я хочу поговорить очень серьезно. Отец мне сейчас в кабинете вкратце рассказал о твоих приключениях... Ева, господи, что вообще происходит в твоей жизни?

— Я не знаю, Коля... — Ева тяжело, со свистом вздохнула, и её плечи снова бессильно опустились. — Мне кажется, у меня теперь и жизни-то никакой нет. Одно сплошное пепелище.

— Мы не виделись с тобой всего какой-то год, — Коля нахмурился, в его голосе зазвучали взрослые, защищающие нотки. — Кем ты была? Веселая, беззаботная девчонка. И кем ты стала сейчас? Что за дичь творится, Ева? Тебя преследуют какие-то отморозки и преступники всех мастей, воруют твоего ребенка, араб этот непонятный со своими законами откуда-то взялся... Я слышал от отца, что ты ушла от мужа. Это из-за него? Из-за этого араба?

— Действительно, всё слишком запутано... — Ева покачала головой, глядя на огонь. — Да, Салман, это и есть тот араб — отец Даньки. От мужа я ушла к нему... А он... он ушел от меня. Сам. А я... я беременна от него вторым, Коля... Ты знаешь, когда он только приехал в Москву, я всерьез думала, что я самая счастливая женщина на всем белом свете. А теперь... теперь такое чувство, будто от меня живьем оторвали ровно половину тела. И эта оставшаяся половина внутри круглые сутки кровоточит, горит огнем... Я просто не знаю, как мне жить дальше. И ради чего.

Коля потрясенно молчал несколько секунд, переваривая услышанное.

— Он знает, что ты беременна? — тихо спросил он.

— Нет.

— Почему нет, Ева?! — Коля даже подался вперед в своем кресле. — Почему ты не сказала ему правду перед его уходом?

— Зачем? — Ева горько, надрывно усмехнулась, подняв на него полные боли глаза. — Ты думаешь, я из тех женщин, которые будут унижаться и укладывать мужчину в постель или удерживать около себя с помощью ребенка?

— Да при чем здесь «удерживать»?! — горячо возразил Коля. — Он отец, черт возьми! Он обязан нести ответственность!

— Коля, ты представляешь себе, как это будет выглядеть со стороны? — её голос задрожал от подступающей гордости. — Как самые жалкие, ничтожные потуги удержать мужика, который разлюбил или которому ты в тягость. Прийти ползком и заявить: «Милый, постой, а я тут беременна»? Если я и мой сын оказались ему не нужны, с какого перепугу ты решил, что я стану нужна ему с двумя детьми?

— Все равно он должен был знать, — упрямо повторил Коля.

— Знать о чем? Коля... Ты себя вообще слышишь? — Ева устало покачала закрытыми глазами. — В ту самую секунду, когда мужик сознательно бросает бабу, он автоматически... слышишь, автоматически освобождает себя от абсолютно всех обязанностей перед ней.

— Не все... И далеко не всегда, Ева. Все люди разные, всё сугубо индивидуально, — мягко возразил Коля, глядя на её бледное лицо.

— Но у нас все случилось так, как случилось. Теперь уже поздно махать кулаками. Да и скажи я ему тогда — ничего, ровным счетом ничего бы это не изменило. Ты его не знаешь, Салман очень своенравный, гордый и жесткий человек. Мои слова не заставили бы его изменить свое окончательное решение. Он бы просто подумал, что я манипулирую.

— Боже... Какая же каша. Как всё дико запутано... — Коля потер ладонями лицо, а потом внимательно посмотрел на нее. — И что ты теперь собираешься делать с этой беременностью? На таком-то сроке, в твоём положении?

— Рожать, — без секунды колебаний, твердо и звонко ответила Ева.

— Ева... ты хорошо подумала? — Коля выдохнул, в его глазах отразился неподдельный страх за её будущее. — Тебе всего девятнадцать лет! Ты останешься совсем одна, с двумя крошечными детьми на руках, без мужа, под прицелом бандитов. Подумай о своем будущем, о том, как ты потянешь это!

— Извини, Коль, — Ева резко отвернулась к камину, и её губы упрямо сжались. — Я не хочу и не буду говорить на эту тему. Я не могу убить этого ребенка... просто физически не могу, понимаешь? Я всю жизнь, сколько себя помню, мечтала иметь младшего братика или сестренку. У меня никого не было. Пусть хотя бы у моих детей они будут друг для друга. Чтобы они никогда не оставались одни в этом жестоком мире.

Коля долго смотрел на её профиль, освещенный языками пламени, а потом тихо, с надеждой спросил:

— А может... может, он еще вернется? Ну мало ли... Одумается, поймет, что натворил глупостей, передумает и вернется к тебе?

— Нет, Коль... — Ева горько покачала головой, и в её голосе зазвучала звенящая, мертвая пустота. — Это конец. С Салманом у нас всё кончено навсегда.

Коля вздохнул, подкатил свое кресло еще ближе и крепко, надежно сжал её холодные пальцы в своих ладонях.

— Ну... что я могу тебе сказать, моя хорошая. Главное сейчас — не волнуйся. Тебе нельзя. Забудь про бандитов, про страхи. Ты в доме Крылатовых. И ты всегда, слышишь — в любую секунду своей жизни — можешь целиком и полностью рассчитывать на меня. Я тебя в обиду не дам.

Ева посмотрела на его честные, добрые глаза, и внутри нее впервые за эти дни затеплился крошечный, но такой необходимый лучик надежды.

Ева смотрела на Колю, на его сильные, натренированные руки, уверенно лежащие на подлокотниках кресла, и в её памяти невольно, яркой вспышкой закружились осколки их общего прошлого. Прошлого, в котором не было ни бандитов, ни смертельного страха, а был только ослепительно белый лёд, свист ветра в ушах и бесконечная вера в победу.

Они познакомились на катке, когда Еве едва исполнилось пять лет, а Коле уже было восемь. Он тогда казался ей настоящим небожителем — не по годам рослый, статный, удивительно красивый мальчик, в котором уже тогда отчетливо проявлялась благородная, породистая стать. Они оба занимались фигурным катанием, под руководством одного тренера. Коля считался самым многообещающим и талантливым юным фигуристом. На него заглядывались абсолютно все девчонки в секции, каждая втайне спала и видела, как бы попасть к нему в пару.

Малышка Ева тогда о мальчиках не думала вовсе. Безумно увлеченная спортом, она каждую секунду своего времени на льду отдавала изнурительным тренировкам, стирая ноги в кровь. Коля поначалу не обращал на нее никакого внимания — для него она была всего лишь забавным, путающимся под ногами ребенком. Но иногда, проезжая мимо, он мог остановиться, строго указать ей на ошибку в технике какого-нибудь сложного элемента и по-взрослому подсказать, как правильно проделать прыжок или вращение, чтобы не потерять равновесие.

Года через три, когда Коля заметно вытянулся, ему начали усиленно искать постоянную партнершу. Тренеры перепробовали десятки разных девочек, но дуэт никак не складывался: то подводила физика, то не хватало психологической притирки. И тогда тренер в качестве смелого эксперимента предложила Еву.

Первые несколько месяцев ушли на присматривание и тяжелую притирку характеров. Но уже через полгода об их паре всюду заговорили ведущие специалисты федерации. На льду они выглядели как один безупречно отлаженный, ювелирный механизм. Они идеально подходили друг другу во всем — и физически, и ментально. Дуэт сложился. Впереди маячили головокружительные перспективы, золото чемпионатов и путевка на Олимпиаду.

Они настолько сроднились на тренировках, что перенесли эту дружбу и за пределы Ледового дворца. Все праздники, выходные и дни рождения они проводили исключительно вместе. Отец Коли, Алексей Петрович, искренне полюбивший талантливую девочку, возил их всюду на своей машине — в зоопарк, в цирк, в кино, покупал им тонны мороженого. Они были не разлей вода.

Но страшная беда пришла оттуда, откуда её никто не ждал. Случилась кошмарная трагедия, которая в один жестокий миг, безжалостно разделила жизнь тринадцатилетнего Коли на «до» и «после», навсегда перечеркнув все их великие спортивные планы. Его на полной скорости сбила машина, когда мальчик переходил дорогу по пешеходному переходу.

Состояние Коли было критическим, врачи не давали никаких гарантий. Алексей Петрович задействовал все свои миллиарды, связи и влияние, совершил невозможное, чтобы просто спасти сыну жизнь. Жизнь ему отвоевали у смерти. Но приговор светил медицины оказался

окончательным и безжалостным — Коля на всю оставшуюся жизнь остался прикованным к инвалидному креслу. Отец возил его по всем закрытым клиникам мира, показывал лучшим мировым светилам нейрохирургии, но всё оказалось напрасным. Ходить он так и не смог.

Тогда от Николая отвернулись почти все. Многочисленное окружение мнимых друзей, приятелей по катку и шумных знакомых растаяло в один миг, стоило Коле лишиться статуса будущей звезды спорта. Единственной, кто не сбежал, оказалась Ева.

Она наотрез отказалась вставать в пару с кем-либо другим, заявив тренеру, что её партнер — только Коля. В знак верности их несостоявшемуся дуэту Ева ушла в одиночное катание. Проходили месяцы и годы, они могли не видеться неделями из-за её плотных графиков сборов, но созванивались каждую неделю. Ева осталась его единственной живой нитью с прошлым. Коля искренне, без тени зависти радовался каждой её медали, всегда первым присылал огромные букеты на вокзал после её побед и был в курсе абсолютно всех её девичьих тайн.

Жестокий спорт железно закалил его характер. Будучи от природы целеустремленным, сильным и гордым парнем, Николай не позволил себе сломаться и превратиться в озлобленного на весь мир калеку. Он не опустил руки. Сидя в кресле, он с отличием окончил закрытую школу, получил блестящее экономическое образование и теперь, в свои двадцать два года, был полностью готов посвятить себя семейному бизнесу холдинга «Крылатофф». Он строил грандиозные карьерные планы и в будущем собирался твердо занять место своего отца в качестве главы могущественной империи.

И сейчас, глядя на этого волевого, красивого парня, который когда-то держал её на руках во время сложнейших поддержек на льду, Ева чувствовала, как её собственная, израненная душа начинает понемногу исцеляться.

Глава 2

Иман со Стасом знали, что Салман возвращается. А значит, дом наконец-то оживет: придет Ева, придет маленький Данька. Иман, обычно сдержанная и спокойная, последние дни буквально светилась изнутри. Они со Стасом ежедневно строили планы, перебирали имена для их собственного, еще не родившегося малыша, и Иман не уставала мысленно благодарить Еву. Ведь если бы не её отчаянное, почти безрассудное вмешательство, у Иман не было бы сейчас ни этой уверенности в завтрашнем дне, ни любимого мужчины, ради которого она пошла бы и в огонь, и в воду.

Единственное, что омрачало радость — легкая, свербящая тревога перед встречей с хозяином дома.

— Стас, я волнуюсь, — Иман в который раз поправила легкую ткань платья, который прикрывал еще не округлившийся, плоский живот — Вдруг у нас с Салманом не сложатся отношения? Он ведь нанимал тебя одного, а ты... оказался с сюрпризом.

— А почему это должно тебя заботить, родная? — Стас снисходительно улыбнулся, пригласив её к себе за талию. — Не сложатся — и Бог с ним.

— Но у нас могут возникнуть проблемы. Элементарно — он вспылит и уволит тебя. И куда мы? На улицу? С ребенком?

— Любимая, посмотри на меня, — Стас посерьезнел, его голос обрел ту мягкую силу, которая всегда её успокаивала. — Один твой волосок дороже для меня всех Салманов в мире с их миллионами и самолетами. Опытные пилоты нужны везде. Не пропадем. Нас ждут в другом месте, если понадобится.

Он крепко обнял её, запечатлев быстрый, горячий поцелуй в макушку. Иман выдохнула, прижимаясь к его надежной груди.

Шум подъезжающего автомобиля заставил их отстраниться друг от друга.

Тяжелый внедорожник плавно замер у главного входа, обдав жаром раскаленный воздух. Стас и Иман вышли на крыльцо. Иман уже приготовила улыбку, готовая броситься навстречу Еве, но дверца захлопнулась с глухим, резким стуком.

Из машины вышел только Салман.

Он выглядел так, словно прошел через ад и до сих пор нес его пепел на своих плечах. Осунувшееся лицо, мертвенно-бледная кожа, резко очерченные скулы и сдвинутые к переносице брови. Его взгляд — тяжелый, невидящий — скользнул по встречающим, словно они были неодушевленными предметами.

— Здравствуйте, Салман. Как доехали? — Стас первым нарушил гнетущую тишину и протянул руку.

— Хорошо... Спасибо, — Салман ответил коротким, сухим рукопожатием. Голос его звучал глухо, без единой интонации.

— Познакомьтесь, пожалуйста. Это Иман, моя невеста.

Салман медленно перевел взгляд на девушку. Внутри у него все перевернулось от глухой, темной ярости. Эта незнакомая арабка, так спокойно и счастливо стоящая на его крыльце, вызвала у него почти физическое отторжение. Раньше здесь правила Латифа — верная, преданная Латифа, которая оставила этот дом год назад. Из-за Евы. Опять Ева. Это имя отозвалось в груди Салмана такой острой, режущей болью, что у него перехватило дыхание. Ева была единственной, кого он по-настоящему ждал в этих стенах. А теперь её здесь нет. И не будет. А чужая женщина занимает её место.

Салман едва заметно, на грани оскорбления, кивнул головой и, не проронив ни слова, шагнул мимо них в прохладу открытых дверей.

Иман со Стасом растерянно переглянулись. Воздух между ними словно наэлектризовался. Предчувствуя недоброе, они вошли в дом следом за хозяином.

— Скажите... а где Ева с ребенком? — Иман попыталась вернуть голосу непринужденность, хотя сердце уже бешено колотилось в предчувствии беды. — Мы так ждали, что вы приедете вместе. Мы очень соскучились.

— Ее нет, — отрезал Салман, даже не повернувшись к ней. Он швырнул ключи на мраморную консоль, и этот звук прозвучал как выстрел.

— Очень жаль... — Иман растерянно сделала шаг вперед. — Мы так сдружились. А когда она планирует приехать?

— Никогда, — рявкнул Салман.

Это «никогда» ударило по стенам холла, отразившись гулким эхом. Салман резко развернулся, и Иман отшатнулась от вспыхнувшего в его глазах бешеного, страдальческого огня.

— Я не собираюсь обсуждать свою личную жизнь. Ни с кем. Запомните это раз и навсегда.

Он развернулся и стремительным, тяжелым шагом ушел по длинному, темному коридору, скрываясь в глубине дома. Дверь его кабинета захлопнулась с оглушительным грохотом.

В холле повисла звенящая, мертвая тишина. Иман перевела дыхание, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

— Стас... Они поссорились. Seriously поссорились, — прошептала она, хватая мужа за руку. — Они расстались. Ты слышал его?

— Похоже на то, — Стас тяжело вздохнул, глядя вглубь пустого коридора.

— Точно тебе говорю! Разве он вернулся бы без нее, если бы все было в порядке?

— Иман, постой. Может, ее мать еще не до конца окрепла после болезни? Ева могла остаться с ней в Москве, пока той не станет лучше.

— Хотелось бы верить, Стас, но я ведь женщина, я чувствую! Этот мужчина не просто злился — он метал молнии от боли. Ева любила его безумно. Она бы никогда, слышишь, никогда не сделала ничего, что могло бы причинить ему вред или обидеть его. Значит... значит, это он. Сволочь. Он просто бросил её!

Иман начала заводиться, её захлестнула волна защитной агрессии за подругу.

— Ты не можешь знать наверняка, — Стас попытался обнять её за плечи, чтобы унять дрожь. — Это всего лишь твои домыслы, родная. Давай подождем. Пусть всё немного уляжется, а там видно будет.

— Да что тут видеть, Стас?! — Иман резко сбросила его руку, в её глазах закипели слезы обиды. — Он оставил свою женщину. Беременную! С ребенком на руках! Что еще тебе нужно увидеть, чтобы понять, какой он подлец?!

— Иман! — Стас нахмурился, в его голосе прорезались строгие командирские нотки. — Чего ты от меня хочешь? Чтобы я пошел и набил ему морду? По-твоему, это решит проблему?

— А хотя бы и так! — упрямо выкрикнула она, пряча лицо у него на груди.

— И что это даст? Меня вышвырнут из страны, а ты останешься здесь одна. Этого ты хочешь?

Иман промолчала, только судорожно всхлипнула. Злость уходила, оставляя после себя глухую тревогу.

— Запомни, — Стас взял её за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. Его тон стал жестким, не терпящим возражений. — Нас это не касается. Мы понятия не имеем, что у них произошло. Это чужая семья и чужая чудовищная драма. Мы не будем в это вмешиваться. Ты меня поняла?

Иман отвела взгляд, поджав губы. В комнате снова воцарилось тяжелое молчание. Стас сжал её плечи чуть сильнее:

— Ты слышишь меня, Иман? Это их личные дела.

— Ладно... — тихо, с затаенной обидой буркнула она, высвобождаясь из его объятий. — Пойду поковыряюсь в интернете, может что-то найду. В прессе все равно что-нибудь да всплывет... Такое не скроешь.

Глава 3

В кабинете Алексея Петровича пахло дорогим табаком, старой кожей и тем застоявшимся, тяжелым воздухом, который обычно предвещает бурю.

Ева сидела на самом краешке глубокого кожаного кресла, выпрямив спину так, словно внутри неё была натянута раскаленная струна. Пальцы судорожно сжимали ремешок сумочки — побелели даже костяшки. Напротив, уперев тяжелый взгляд в экран компьютера, сидел Алексей Петрович. Рядом замер Николай, ловя каждое движение отца. Вся информация о тех, кто устроил за Евой охоту, уже час лежала на сукне массивного стола. Картина вырисовывалась удручающая. Каждое слово отчета ложилось на плечи Евы неподъемными могильными плитами.

Алексей Петрович наконец оторвался от монитора. Его взгляд, умудренный годами тяжелых жизненных разборок, сделался жестким.

— Ева, ты знала, что твой муж игрок? Бывший муж... — он выделил это «бывший», словно пытался нащупать хоть какую-то юридическую зацепку.

— Да... — голос Евы сорвался, она сглотнула сухой ком в горле. — Он пропал ночами в подпольных казино. Насколько я знаю, проигрывал колоссальные суммы.

— Так вот, дорогая моя. Это его кредиторы. Те, кому он задолжал столько, что обычной жизни не хватит расплатиться. И именно они устроили охоту на тебя и на Даньку. Официально ваш брак всё еще действителен, базы данных не обновлены, и для этих волков ты — его законная жена и самый легкий способ вернуть деньги.

Ева зажмурилась. В ушах зашумело, к горлу подступила тошнота. Господи, за что? За какие грехи на неё валится этот бесконечный, грязный лавинообразный кошмар?

— Да что же это такое?.. — вырвалось у неё вместе со сдавленным вздохом. — Теперь еще и это... Час от часу не легче. Нас просто заживо закапывают.

— По моей информации, — Алексей Петрович тяжело вздохнул, перебирая распечатки, — тот араб... Салман, уже покинул территорию России. Чем закончились его разборки с нападавшими в прошлый раз — я не в курсе. Но если вопрос с долгами твоего бывшего не закрыт, эта угроза никуда не делась. Она висит прямо над твоей головой.

В кабинете воцарилась гробовая, звенящая тишина. Слышно было только, как натужно тикают напольные часы, отсчитывая секунды чужого времени. Ева чувствовала себя загнанной лошадкой, которую хлыстами гонят по кругу. Внутри всё горело от тревоги. Салман уехал... Уехал, оставив её в этой ледяной неизвестности, стора от собственной боли и ненависти к ней. А она осталась здесь — один на один с бандитами, долгами и страхом за сына.

— Ева, послушай, — Николай подался вперед. Его голос прозвучал мягко, но в нем сквозило глубокое беспокойство. Он накрыл её бледную, ледяную ладонь своей и слегка сжал. — Ты можешь оставаться в нашем доме столько, сколько потребуется. Мы защитим тебя. Но...

невозможно всю жизнь прятаться в подвалах и надеяться, что эти проблемы рассосутся сами собой. Они не рассосутся.

— Да, сами не уйдут, — мрачно подтвердил Алексей Петрович, откинувшись на спинку кресла. — И решить их деньгами мы не сможем — они не имеют к нам никакого отношения, мы не станем платить по счетам этого ничтожества Земцова. Разве что приставить к тебе и мальчику круглосуточную охрану из пяти бойцов. Но это не жизнь, Ева. Это тюрьма.

— Может, отправить тебя за границу? — озвучил внезапную мысль Николай, всматриваясь в её измученное лицо. — Например, в Швейцарию. В частный закрытый пансионат. Не думаю, что эти коллекторы попрутся за тобой в Европу. Это слишком дорого и опасно для них.

Ева медленно покачала головой. Слезы, которые она так долго сдерживала, едва не брызнули из глаз. Кожа казалась прозрачной от стресса, под глазами залегли темные тени.

— Я всё понимаю... Спасибо вам, правда. Вы делаете для меня больше, чем родные. Но уехать я не могу. Не сейчас. У меня мама в реанимации, после тяжелейшего инфаркта. Она держится на ниточке! Как я брошу её? Одну, в городской больнице?

— Ева, не думай об этом, мы полностью возьмем заботу о твоей маме на себя, — горячо перебил её Николай, умоляюще глядя на нее. — Лучшие врачи, отдельная сиделка, любые лекарства...

— Нет! — вскрикнула Ева, и этот крик был полон такой отчаянной, животной боли, что мужчины невольно замолчали. — Если с моей мамой что-нибудь случится... если её сердце не выдержит, а меня не окажется рядом... я никогда, слышите, никогда в жизни себе этого не прощу! Я сойду с ума!

Она спрятала лицо в ладонях. Плечи её мелко задрожали. Это был предел. Нервный срыв, который подбирался к ней все эти дни, теперь стоял на пороге.

Николай растерянно посмотрел на отца, в его глазах читалась мольба о помощи.

— Отец... Ну должен же быть какой-то другой выход! У тебя ведь наверняка есть идея, ты всегда знаешь, что делать. Скажи хоть что-нибудь!

Алексей Петрович долго молчал. Он достал сигарету, покрутил её в пальцах, но так и не зажег. Его тяжелый, оценивающий взгляд скользил по плачущей Еве.

— Мы не можем набросить намордник на каждого встречного пса, — наконец медленно, взвешивая каждое слово, произнес старший Крылатов. — Мы не знаем, откуда прилетит следующий удар. Но у меня есть одна мысль... Только я не уверен, Ева, что она тебе понравится.

— Говори, отец, — махнул рукой Николай, вытирая со лба испарину. — Говори, у нас все равно нет выбора. Нам нужно решение прямо сейчас.

— Выход один, — Алексей Петрович подался вперед, положив массивные руки на стол. — Надо всему миру объявить, что ты, Ева, отныне член семьи Крылатовых.

Ева резко подняла голову, утирая слезы. Ей показалось, что она ослышалась.

— Нужно показать всем, — продолжил Петрович, чеканя слова, — что ты не имеешь никакого отношения ни к вашему футбольному «гению» Земцову с его криминальными хвостами, ни к этому арабскому Джеймсу Бонду, который бросил тебя здесь разбираться с последствиями. Ты под моей эгидой. Под моей личной защитой. А имя Крылатовых в этом городе значит слишком много, чтобы какие-то казиношные вышибалы рискнули с нами связываться. Если они поймут, чья ты женщина, они сами отзовут свои претензии и отойдут в сторону.

Николай на секунду замер, переваривая слова отца, а затем его лицо просияло. Это был идеальный, сокрушительный шах и мат для всех врагов.

— Точно! — выдохнул он, с восхищением глядя на старшего Крылатова. — Тогда любой, кто надумает решать свои проблемы за счет Евы, трижды подумает и сам отступит. Отец, ты гений! Это гениально!

Николай победно улыбался, а Ева смотрела на них двоих через пелену слез, чувствуя, как внутри неё разрастается новое, глухое беспокойство. Свобода и безопасность имели свою цену. И цена эта, кажется, была слишком высока...

Глава 4

В огромном, погруженном в полумрак кабинете пахло остывающим камнем и мертвой, звенящей пустотой. За закрытой дверью остался весь мир, но внутри Салмана этого мира больше не существовало.

Там была выжженная пустыня.

Он вернулся в собственный дом как в склеп, где каждый угол, каждая тень на мраморном полу напоминала о потерях. Салман стоял посреди комнаты, и ему казалось, что стены медленно сжимаются, лишая его остатков кислорода. Потерять в одночасье Мусу — единственного друга, брата, человека, с которым они дышали в один такт и не расставались более пятнадцати лет — было все равно что потерять часть себя. Большую, лучшую часть. Они вместе прошли через ад, вместе решали невыполнимые задачи, делили на двоих и триумф, и поражения. А теперь Мусы нет. Земля над ним засыпана, и мир продолжает крутиться как ни в чем не бывало, совершая свое самое страшное преступление — равнодушие к чужому горю.

Перед глазами Салмана с пугающей, кинематографической точностью раз за разом прокручивались те секунды. Вспышка. Грохот. Муса видит, что Еву собираются убить. Муса делает шаг вперед и прикрывает её собой. Спасает чужую жизнь ценой собственной.

Ева... Ева... Ева...

Это имя билось в его воспаленном мозгу ядовитым, пульсирующим током. Что она там делала? Какого черта она сунулась в его, в мужские разборки?! Почему не послушалась, почему вернулась, перечеркнув всё, что он пытался защитить?!

Челюсти Салмана сжались с такой силой, что хрустнули зубы. Вены на шее вздулись черными жгутами. Взревев, как смертельно раненный дикий зверь, он со всей дури, вложив в этот замах весь свой нечеловеческий вес, ударил кулаком по каменной стене.

Хрустнуло дерево обшивки. Из разбитых в кровь костяшек брызнуло на обои.

Если бы не она, Муса сейчас был бы жив! Это она нажала на этот невидимый курок! Она виновата в его смерти... Только она!

Салман кричал — дико, хрипло, теряя человеческий облик. Он бил и бил по стене, раз за разом, загоня собственную плоть в кровавое месиво. Он вкладывал в каждый удар эту разрывающую легкие боль, безумно, наивно пытаясь заглушить её физической судорогой, выбить её из своего тела, избавиться, ослепнуть, не чувствовать. Фрагменты штукатурки и капли крови летели на дорогой персидский ковер.

Он бил, пока легкие не начало жечь огнем, пока перед глазами не поплыли грязные серые пятна, и силы окончательно не покинули его.

Обессиленный, Салман сполз спиной по стене, оставляя на ней мажущий красный след. Он сел прямо на пол, подтянув колени к груди и судорожно обхватив голову разодранными руками. В этой звенящей тишине его грубость, которую видели Стас и Иман, его резкие слова и ледяной

взгляд предстали тем, чем они являлись на самом деле — это была не просто демонстрация дурного характера. Это была защитная броня человека, у которого заживо содрали кожу.

А под этой броней дымились пепелище. Он был глубоко несчастен, и эта глухая, яростная боль делала его абсолютно слепым к чужому счастью.

Сидя на полу в пустом, чужом теперь доме, он вспоминал, что еще совсем недавно — каких-то несколько недель назад — он был счастлив. Впервые в жизни по-настоящему, до головокружения счастлив. У него было всё, о чем мужчина может только мечтать: его собственный сын, любимая, до боли желанная женщина, море невероятных, грандиозных планов и долгая, светлая жизнь впереди.

И вот теперь — беспросветная, ледяная ночь.

Салман вдруг отчетливо, с удушающей ясностью осознал то, чего не понимал все эти годы: он с самого детства интуитивно, панически бежал от одиночества. Надежный, молчаливый Муса заменял ему весь мир — родителей, которых он толком не знал, семью, друзей. Муса был его якорем. А теперь у него нет ничего. Вообще ничего.

Он остался один как перст на всем белом свете. Обозленный на судьбу, выжженный дотла и несчастный до самой глубины своей души — души, о существовании которой он до недавнего времени даже не догадывался. Ева научила его чувствовать, она оживила эту душу, а теперь эта самая душа наизнанку выворачивалась от боли, на которую только была способна.

Салман сидел неподвижно, уставившись в одну точку невидящим, стеклянным взглядом. Он был совершенно опустошен. В тишине кабинета слышался только его рваный, свистящий выдох, и крупные капли темной крови с разбитой в лохмотья кожи на костяшках медленно, одна за другой, капали на холодный пол.

Прошли три недели. Время не лечило — оно лишь затягивало раны грубыми, уродливыми рубцами. Жизнь в огромном поместье с трудом, со скрипом, но возвращалась в привычную колею. Салман жестоко, подсознательным приказом запретил себе думать о прошлом. Запретил вспоминать Москву, Еву, залитый кровью пол и застывший взгляд Мусы. Чтобы выжить и не сойти с ума, он загрузил себя работой до полного изнеможения, стараясь не оставлять разуму ни одной свободной минуты для удушающих мыслей.

В делах опорой стал Стас. Салману всегда нравились такие мужчины: немногословные, выдержанные, с железным внутренним стержнем. Когда Стас прямо и честно поднял вопрос о том, что самолета больше нет и его нахождение здесь теряет смысл, Салман лишь коротко кивнул: «Ищи новый бизнес-джет. Будем покупать взамен утерянного». Ему нужен был этот пилот. Нужен был этот надежный человек рядом, как слабый отголосок той надежности, которую когда-то даровал Муса.

Но если со Стасом они понимали друг друга с полуслова, то присутствие Иман превратилось для Салмана в изощренную пытку. Она страшно, до скрежета зубовного раздражала его одним своим существованием. Её мягкие шаги, её округлившийся живот, сам её статус женщины, которую любят и оберегают, действовали на его обнаженные нервы как наждак. Салман

не считал нужным скрывать свое отторжение, и воздух в доме с каждым днем становился всё более наэлектризованным, тяжелым, почти невыносимым. От его грозового взгляда и вечно хмурого лица прислуга вжималась в стены, стараясь вообще не попадаться хозяину на глаза. Дом замер в зловещем ожидании взрыва.

И этот взрыв — тихий, но сокрушительный — произошел однажды вечером.

Стас вошел в кабинет без стука, но уверенно. Остановился у массивного стола, за которым Салман изучал графики поставок.

— Салман, нам нужно поговорить, — глухо, но твердо произнес пилот.

Салман отложил ручку, медленно откинулся на спинку кресла и смерил его тяжелым взглядом из-под сдвинутых бровей.

— Садись... Я слушаю тебя.

Стас садиться не стал. Он остался стоять, заложив руки за спину, как перед долгим и сложным боем.

— Иман — моя женщина. Женщина, которую я люблю и на которой собираюсь жениться. Она носит под сердцем моего ребенка.

Салман едва заметно дернул уголком губ, в глазах мелькнула холодная ирония:

— Поздравляю...

— Я несу полную ответственность за нее, за нашего малыша и за наше будущее, — Стас проигнорировал его холодность, чеканя каждое слово. — И поэтому я принял решение. Мы съезжаем.

В кабинете мгновенно похолодало. Салман подался вперед, его пальцы до белизны сжали подлокотники кресла. Внутренний зверь внутри него снова глухо зарычал.

— Почему ты так решил? Что тебя не устраивает в моем доме? Тебе мало платят? Плохие условия?

— Дело не в деньгах, Салман, — Стас открыто и бесстрашно встретил его бешеный взгляд. — Так больше продолжаться не может. Я не могу запретить тебе ненавидеть мою невесту, хотя, видит Бог, не понимаю, за что ты её так караешь. Но я могу и обязан обеспечить ей и своему ребенку спокойную, достойную жизнь. Без этого вечного страха и напряжения.

Салман почувствовал, как на его лице проступает разочарование. Он ждал от Стаса мужской солидарности, а наткнулся на глухую стену защиты этой девчонки.

— Это всё бабьи предрассудки, Стас. Глупости. Не думал, что ты воспримешь её капризы всерьез.

— Я не берусь судить тебя или копаться в твоих причинах, — тихо, но с убойной силой ответил Стас, глядя Салману прямо в душу. — Но для меня моя семья — это самое главное. Единственное главное.

Эти слова ударили Салмана наотмашь. Словно Стас со всего размаху полоснул его по незажившей, сочащейся ране. Моя семья — это самое главное... У Салмана перехватило дыха-

ние, в груди болезненно екнуло. Перед глазами на миг вспыхнуло лицо Евы и Даньки. У него ведь тоже могла быть семья. Тоже могло быть это глупое, простое счастье, которое этот русский пилот сейчас защищал с таким тихим ожесточением. А Салман свое счастье сжег. Сам. Своими руками.

Он молчал несколько секунд, пытаясь сглотнуть эту внезапную горчащую слюну. Взгляд его опустился на стол. Злость ушла, оставив после себя глухую, свинцовую усталость. Он вдруг отчетливо понял: если они уедут, этот огромный дом окончательно превратится в могильный курган. Без Мусы, без звонких голосов, без этой зарождающейся новой жизни здесь останутся только призраки. Иман и Стас, сами того не ведая, были единственной тонкой нитью, державшей его над пропастью окончательного безумия.

— Не надо никуда съезжать, — глухо, почти шепотом произнес Салман, не поднимая глаз. — Живите здесь. Все будет нормально. Я обещаю.

Стас внимательно всмотрелся в осунувшееся лицо хозяина дома, заметил эту секундную слабость в его плечах и, молча кивнув, вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Салман остался один в полумраке. Он умом понимал, что Стас абсолютно прав. Тот поступил так, как должен поступать сильный мужчина. Просто Салману, привыкшему ломать мир под себя, было невыносимо сложно привыкать к этой новой, чужой правде. К тому, что мир не вращается вокруг его горя.

Он посмотрел на свои руки — костяшки пальцев уже затянулись молодой, розовой кожей, но всё еще ныли к непогоде. Салман сделал глубокий, ровный выдох, прогоняя остатки застрявшей в горле ярости. Хватит. Нельзя бесконечно выть на луну и терзать невинных. Пора возвращать себе контроль. Пора взять себя в железные руки.

Салман вошел в гостиную бесшумно, его шаги потонули в мягком ворсе ковра. Стас и Иман сидели на диване. Ноутбук покоился на коленях пилота, они о чем-то увлеченно, вполголоса спорили, но стоило Салману переступить порог, как разговор мгновенно оборвался. В воздухе еще дрожало их общее, семейное тепло, которое тут же испарилось под его тяжелым взглядом.

— Салман, — Стас первым нарушил неловкую паузу, его голос звучал деловито и ровно. — Я тут подобрал несколько отличных вариантов бизнес-джетов. Отсеял лишнее, учел всё: от технических характеристик и полетного ресурса до эргономики салона. Не хочешь взглянуть?

— Давай. Посмотрим, что там у тебя, — Салман выдавил подобие спокойствия.

Он опустился в глубокое кресло напротив и взял протянутый ноутбук. На экране пестрели десятки открытых вкладок. Салман медленно переключал страницы, вглядываясь в обтекаемые фюзеляжи и белоснежные крылья машин. Стас и Иман за его спиной тихо, почти интимно переговаривались. Салман скользнул взглядом по часам на запястье — через час у него была назначена важная встреча по контрактам. Он уже собирался закрыть крышку и отложить просмотр на вечер, как вдруг лениво кликнул на последнюю, случайно свернутую вкладку поисковика.

И мир вокруг него перестал существовать.

Время замедлилось, превращаясь в густой, удушливый кисель. Звуки голосов Стаса и Иман улетели куда-то в бесконечную даль, сменившись оглушительным, нарастающим звоном в ушах. Из глубины экрана на него смотрела Ева. Его Ева. Единственная женщина, чье имя он шептал в бреду. Она стояла под руку с холеным, немолодым мужчиной, а над их головами горел, кричал, исходил ядовитой неоновой краской заголовок статьи:

«Бывшая фигуристка Ева Донская и известный бизнесмен Алексей Крылатов объявили о своей помолвке».

Салман почувствовал, как земля с глухим рокотом уходит у него из-под ног. Внутри всё рухнуло в ледяную, бездонную пропасть. Осязаемость боли была такой сильной, словно ему в грудную клетку живьем вогнали раскаленный лом. Кулаки за занавесом стола сжались с такой силой, что свежая кожа на костяшках затрещала, готовая снова лопнуть. Скулы свело судорогой. В безумном, диком порыве ему хотелось разбить этот пластиковый кусок дьявольской техники об колено, разнести гостиную в щепки, выть, крушить стены.

Но первобытный, звериный инстинкт самосохранения заставил его замереть. Огромным, нечеловеческим усилием воли он удержал маску ледяного безразличия на лице. К счастью, Стас и Иман были увлечены друг другом и ничего не заметили.

Салман аккуратно, стараясь, чтобы не дрогнули пальцы, поставил ноутбук на журнальный столик.

— Я... досмотрю вечером. Срочные дела по поставкам. Нужно уйти к себе, — его голос прозвучал на удивление глухо и ровно, будто говорил мертвец.

Он встал и на неслушающихся, тяжелых ногах пошел прочь из гостиной. Ни о какой встрече в городе не могло быть и речи. Мир рушился, горел синим пламенем. Прямо на ходу, шагая по длинному коридору, он достал телефон и ледяным тоном приказал секретарю перенести все переговоры на другой день. Ему нужно было остаться одному. В своем склепе.

Запершись в кабинете, Салман рухнул в кресло и открыл статью с телефона. До этого дня он три недели запрещал себе искать информацию о ней. Выжигал в себе это желание каленым железом, чтобы не бередить и без того кровоточащие, гноящиеся раны. И вот — финал.

Статья была опубликована в авторитетном, уважаемом бизнес-издании, чья репутация не вызвала сомнений. Это был не дешевый бульварный фейк. Это была официальная, сухая, документальная правда, которую уже успели перепечатать сотни блогеров и новостных агентств. Главная сенсация дня.

«Старая любовь не ржавеет», — изгалялся в преамбуле безымянный автор, и каждая строчка этого текста казалась Салману плевок прямо в лицо. Читая, он видел, как буквы прыгают и дwoятся перед глазами, словно издеваясь над его глупостью, над его слепой, дикой верой.

Автор со вкусом расписывал их историю: как маленькая Ева Донская много лет назад впервые увидела Алексея Крылатова на катке Ледового дворца, куда тот привел своего сына

Николая. Как Крылатов-старший по-отечески тепло опекал девочку, росшую без отца. Все праздники, все семейные ужины — они всегда были вместе. Газета утверждала, что это была первая, чистая любовь девочки, которая с годами, когда угловатый подросток превратился в роскошную женщину, переросла во взрослую, осознанную фазу. Полюбила как мужчину.

Дальше шел краткий экскурс в её брак с футболистом Земцовым, от которого она родила ребенка, но не выдержала и года. И вывод: теперь между влюбленными нет преград. Пара официально объявила о помолвке и готовится к свадьбе.

А внизу... Внизу было прикреплено фото. Большое, четкое, безжалостное. На нем Алексей Крылатов уверенно, по-хозяйски обнимал Еву за талию, прижимая к себе, и целовал. Она не вырывалась. Она была там, с ним.

Салман перечитывал этот абзац снова и снова, пока слова не превратились в сплошное грязное пятно. В груди разливался яд. На смену оцепенению приходила страшная, ледяная, уничтожающая ярость.

Та, которая обвивала его шею руками... та, которая шептала, что он её единственная, настоящая, выстраданная любовь... та, которая уверяла, что ей никто в мире больше не нужен... На деле оказалась хитрой, лживой, расчетливой шлюхой. Продуманной тварью. И судя по состоянию Крылатова — шлюхой очень дорогой. Но суть от этого не менялась. Она спала одновременно с ними обоими. Она вешалась на шею старому богачу и параллельно клялась в верности ему, Салману. Врала обоим. Смотрела в глаза и лгала.

Салман откинул телефон на стол, и тот со стуком отлетел к стене. Мужчина запрокинул голову, глядя в потолок, и на его губах змеилась страшная, безумная улыбка.

— Ты называла меня чудовищем, Ева... — прошептал он в пустую темноту кабинета. Голос сорвался на хрип. — Нет. Чудовище здесь ты. Ты гораздо худшее, гораздо более изощренное зло. Я... я причинял людям только физическую боль. Ломал кости, пускал кровь. Но это заживает. А ты... ты убиваешь в человеке все живое. До самого основания. Ты берешь то, что когда-то называлось душой, и превращаешь его в безжизненное, выжженное, покрытое черным пеплом поле.

Капли пота катились по его вискам. Салман закрыл глаза, чувствуя, как внутри него окончательно умирает последний намек на человечность. Броня, которую он пытался снять, захлопнулась намертво, превращая его в ледяной монолит. Теперь ему действительно некого было жалеть в этом мире.

Глава 5

Ева сидела на полу огромной, погруженной в сумерки комнаты. Она прижалась спиной к холодной стеклянной стене, за которой раскинулась темнеющая парковая зона, обхватила руками колени и уткнулась в них подбородком. Она казалась совсем маленькой, хрупкой и до ужаса одинокой в этом чужом, роскошном особняке. Мысли, тяжелые и липкие, утягивали её на самое дно. Она не заметила, как догорел закат, как сиреневые тени заполнили углы и комната окончательно погрузилась во мрак. Ей не хотелось включать свет. В темноте её собственная боль казалась не такой заметной.

Из оцепенения её вырвал залиvistый, звонкий лай. В комнату вихрем влетел Феликс. Пес с ходу уткнулся мокрым, теплым носом прямо ей в щеку, преданно заглядывая в глаза и виляя хвостом, словно пытался вылизать, прогнать всю её тоску. Ева слабо улыбнулась, зарывшись пальцами в его густую шерсть. Следом в дверях показался Николай на своей инвалидной коляске.

— Ева... — тихо позвал он. В полумраке его голос прозвучал с такой искренней, щемящей заботой, что у неё перехватило дыхание. — Больно смотреть на тебя, честное слово. Если бы я мог хоть чем-то тебе помочь... хоть часть этой тяжести забрать.

— Коль, спасибо тебе, — негромко, едва слышно ответила она, не поднимая головы. — Вы с отцом и так делаете для меня слишком много. Спасенные жизни не измерить словами.

— Я ведь не об этой помощи, Ева... Ты же понимаешь, — Николай мягко подъехал ближе.

— Я о том, что у тебя внутри.

— Я поняла, Коль. Всё нормально.

— Так сильно любишь его? — осторожно, словно ступая по тонкому льду, спросил он.

— Очень, — выдохнула она вместе со слезами, которые снова обожгли глаза. — Всем сердцем. Каждой клеточкой.

— Он так ни разу и не объявился? Ни одного звонка?

— Он не объявится, Коль... — Ева покачала, и её голос дрогнул. — Никогда больше не объявится. Особенно теперь, после всей этой грязи и шумихи в прессе. Всё кончено.

— А мне почему-то казалось наоборот, — Николай попытался разрядить обстановку, тепло улыбнувшись. — Думал, ворвется сюда из ревности. Ну, знаешь, восточная горячая кровь, собственнические инстинкты, все дела...

— Извини, Коль, но ты совсем не знаешь таких мужчин, — Ева горько ухмыльнулась, вытирая слезу со щеки. — Теперь он абсолютно уверен, что я лгала ему с самого начала. Понимаешь? Не успел он уехать, как его женщина уже празднует помолвку с другим. Для него это выглядит как расчетливое предательство.

Николай посмотрел на неё, помолчал секунду, а затем вдруг громко, на всю комнату, расхохотался. Этот искренний, раскатистый смех прозвучал так неожиданно, что Ева вздрогнула.

— Да уж... — отсмеявшись, протянул Николай. — Совсем не знаю мужчин! Ну ты скажешь тоже, Евка! Ладно, признаю, в тонкостях арабов я не силен.

Его смех оказался заразительным, и Ева, сама от себя не ожидая, тихонько рассмеялась вместе с ним. Впервые за эти удушающие три недели в её груди словно приоткрылось крошечное окошко для чистого воздуха.

— А знаешь что? — Николай заговорщически подмигнул ей, и в его глазах блеснули прежние, азартные огоньки. — Хватит сырость разводить. У меня есть отличная идея. Собирайся!

— Какая еще идея? — Ева испуганно сжалась. — Не хочу я никуда, Коль, правда. Извини, но у меня совсем нет настроения изображать счастливую невесту.

— Тебе понравится, обещаю. Это именно то, что тебе сейчас нужно, чтобы не сойти с ума. Отец уже приехал, Света должна подъехать с минуты на минуту. Даю тебе ровно час на подготовку. Бегом!

— Ты хоть намекни, — Ева поднялась с пола, отряхивая домашние брюки и с любопытством глядя на друга. — К чему собираться-то? Какое платье надевать?

— Едем в Ледовый дворец! — победно воскликнул Николай. — Тряхнем стариной, Евка. Вспомним, каково это — лететь над льдом. Мне это тоже, знаешь ли, не повредит. — Заметив, как у Евы на мгновение вспыхнули и заблестели глаза от этой мысли, он радостно победно вскрикнул: — Ты еще здесь?! Одна нога тут, другая там!

Выехав из комнаты Евы, Николай столкнулся в просторной гостиной с отцом. Алексей Петрович был в дорогом спортивном костюме, подтянутый и собранный. Он как раз собирался ехать в загородный фитнес-клуб, который посещал религиозно трижды в неделю, занимаясь с личным инструктором, чтобы поддерживать безупречную физическую форму.

— Отец, задержись на пару минут, — остановил его Николай. — Нам нужно поговорить.

— Ну хорошо, говори, — Алексей Петрович глянул на часы, но послушно остановился.

— Присядь, пожалуйста. Это не телефонный разговор. Речь пойдет о Еве.

— Я слушаю, — старший Крылатов уселся на глубокий диван, закинув ногу на ногу, и внимательно посмотрел на сына. — Так что произошло?

— Еве совсем плохо, отец, — Николай посерьезнел, его голос стал вкрадчивым и тяжелым. — От нее только что ушел любимый мужчина, которого она до сих пор безумно, до боли любит. Прибавь к этому то, что она беременна, у нее на руках маленький Данька, а родная мама лежит в реанимации. Всё это наслоилося друг на друга, как один огромный, удушающий пирог. А под этим пирогом — она. Хрупкая, раздавленная, несчастная девочка. Понимаешь?

Алексей Петрович слегка нахмурился, его взгляд оставался спокойным и деловым.

— Не совсем понимаю, Николай. К чему ты клонишь? Мы дали ей кров, обеспечили лучшую охрану, её мать лежит в первоклассной клинике за мой счет. Что еще нужно?

— Нужно хоть иногда выводить её в люди, отец! — горячо воскликнул сын. — Чтобы хоть на часок-другой она могла вынырнуть из этого кошмара, забыть о своих проблемах. Это ведь совсем не сложно для нас.

— Зачем дело стало? Какие проблемы? Я не запрещаю тебе возить её куда угодно.

— Я не могу возить её на светские рауты, отец! — Николай с досадой хлопнул ладонью по подлокотнику коляски. — Ты забыл? Она официально — твоя невеста. Журналисты и папарацци караулят каждый наш шаг в поисках жареных фактов. Если пресса увидит её со мной, поползут грязные слухи, и вся твоя легенда-щит треснет. Ты должен хоть иногда выходить с ней в свет. Как мужчина. Как её жених.

— Нет, — Алексей Петрович ответил жестко и без колебаний, поднимаясь с дивана. — Я слишком занят. Да я и не хочу, Коля. Давай смотреть на вещи трезво. Она в сущности еще ребенок. О чем мне с ней говорить на этих раутах? У нас разные миры. Наша помолвка — это деловое соглашение ради её безопасности, не более.

— Неужели это так важно — о чем говорить? — Николай с мольбой посмотрел на отца. — Хотя бы раз в неделю просто поужинай с ней в ресторане на виду у камер. Ради неё. Ради её психологического спасения.

— Нет, Николай. Я занят, — отрезал Петрович, поправляя манжеты спортивной куртки. — Мой график расписан по минутам. Если у тебя всё, я пойду. Инструктор меня уже ждет.

— Хорошо, — Николай глубоко вздохнул, понимая, что отца не пробить, но сдаваться не собирался. — Тогда давай хотя бы сегодняшний вечер проведем вне этого дома. Все вместе. Только один этот вечер, отец. Я уже пообещал ей, у нее глаза загорелись. У меня есть отличная идея.

Алексей Петрович остановился у дверей, недовольно посмотрел на сына, но, видимо, заметив искреннюю боль в его глазах, смягчился.

— Хорошо. Но только один вечер, Николай. Что ты предлагаешь?

Николай победно улыбнулся:

— А давай поедем прямо сейчас все вместе в Ледовый дворец.

Ева танцевала. На безупречно гладком зеркале льда она больше не была жертвой обстоятельств, разбитой на осколки женщиной или прячущейся от папарацци беглянкой. Здесь властвовала её истинная природа.

Лицо девушки было строгим, почти отрешенным в своей глубокой сосредоточенности, а в полумраке огромной арены её силуэт казался выточенным из тончайшего фарфора. Но в этой хрупкости таилась ошеломляющая, дикая сила. На бешеной скорости она летела над

ледяной гладью, её движения были безупречно точными, резкими и в то же время невероятно текучими, пластичными. Каждый поворот головы, каждый изгиб тонкой талии и взмах рук дышали изяществом, которое невозможно было сымитировать. Это было её личное, завораживающее самоистязание — попытка сжечь в бешеном темпе всю скопившуюся в душе боль. Пронесясь по катку огненным вихрем и выполнив сложнейший каскад прыжков, Ева взмыла в воздух и, плавно приземлившись, замерла в финальной, царственной стойке. Грудь её высоко вздымалась, губы чуть приоткрылись, ловя прохладный воздух, а по лицу скользнула прядь влажных волос.

Николай сидел в своей инвалидной коляске у самого бортика, прямо у выхода на лед. Его глаза горели неподдельным, профессиональным восторгом. Он громко, не жалея ладоней, зааплодировал.

— Bravo, Ева! Ты боец, настоящий боец. Как всегда — шедеврально, чисто, на одном дыхании!

Рядом с сыном стоял Алексей Петрович. Он не аплодировал. Он застыл, не в силах отвести взгляда от тяжело дышащей девушки, и в его глазах промелькнуло нечто странное, темное, глубокое — то, чему он сам еще не знал названия.

— Ты действительно в потрясающей форме, Ева, — негромко, как-то непривычно глухо произнес он.

— Алексей Петрович, Коля... Господи, спасибо вам! — Ева подкатила к бортику, её щеки горели нежным румянцем, а глаза, еще час назад потухшие, сияли лихорадочным, живым блеском. — Как же это здорово... Вы не представляете!

— Прекрасно представляю, — отозвался Коля, но тут же сменил тон на заботливый: — Только я бы на твоём месте убавил обороты. Чутьочку осторожней, Евка. Скорость сумасшедшая, побереги себя.

— Ты не понимаешь, Коль, я так скучала! — она звонко, заливисто рассмеялась, оттолкнулась крошечным изящным движением и сделала короткий, безупречный круг спиной вперед. — Только здесь, на льду, я чувствую, что по-настоящему живу. Что я счастлива!

— Ну почему не понимаю? — мягко улыбнулся Николай, и в его голосе промелькнула легкая грусть. — Очень даже понимаю. Сам первое время с ума сходил без этого ощущения полета...

В этот момент в кармане Крылатова-старшего требовательно запел телефон. Встряхнув головой, словно сбрасывая наваждение, Алексей Петрович ответил на звонок и, негромко говоря, отошел вглубь трибун. Света, сидевшая чуть поодаль в первом ряду, даже не подняла головы, полностью погруженная в экран своего смартфона. Светская жизнь и чужие драмы её сейчас не занимали.

Ева снова затормозила у бортика, лукаво глядя на друга.

— Коль... А почему ты там сидишь? — вдруг спросила она, склонив голову набок.

— А где мне еще быть, Евка? — искренне удивился парень, похлопав по подлокотникам кресла. — Мое место в ложе прессы.

— А почему ты не выходишь ко мне? На лед?

Николай ошарашенно захлопал глазами, а потом нервно усмехнулся:

— Ева, ты в своем уме? Тебя там на вращениях не укачало случайно?

— Ни капельки! — её голос зазвучал настойчиво, с той пленительной девичьей упрямостью, против которой невозможно устоять. — Выходи. Ну же, Коля!

— Да я после аварии ни разу на лед не ступал... Точнее, не выезжал. Что мне там делать? — в его голосе звякнула тщательно скрываемая горечь.

— Значит, сегодня выедешь в первый раз, — отрезала она и стремительно, с кошачьей грацией подкатила вплотную к выходу.

— Сумасшедшая... Как ты себе это вообще представляешь?

— Коля... Ну что ты? Смелей. Давай же, доверься мне, — её голос упал до нежного, вкрадчивого полупшепота. Ева тепло, открыто улыбнулась и протянула ему свою узкую, затянутую в перчатку ладонь.

Этот жест был наполнен такой чистой, женской поддержкой, что Николай не смог отказать. Медленно, с замиранием сердца, он осторожно выкатил колеса на скользкую поверхность. Ева тут же перехватила его руку, её пальцы уверенно и крепко сжали его ладонь. Она изящно оттолкнулась от бортика, увлекая его за собой в центр сверкающей арены.

И случилось чудо. Скованность Николая растаяла через секунду. Им обоим вдруг стало безумно, по-детски весело. Они кружились по огромному пустому катку, и их заразительный, чистый смех эхом разлетался под сводами дворца. Ева вела этот танец с невероятной чуткостью: то подкатывала сзади, мягко ускоряя его кресло и увлекая в крутой вираж, то внезапно оказывалась впереди, перехватывала обе его руки, и они кружились, глядя друг другу в глаза. Николай, даже сидя в кресле, вспомнил былую статью — он безупречно держал спину, красиво работал руками, направляя баланс. Это был танец сумасшедшей, пронзительной красоты — союз силы духа и совершенной женской грации.

Под конец, заходя на очередной вираж, Ева закружилась вокруг него, но, ослепленная восторгом, не рассчитала скорость. Пытаясь притормозить в самую последнюю секунду, она потеряла равновесие и неловко, со смехом плюхнулась прямо к Николаю на колени. Коля перехватил её за талию, и под их общий, счастливый хохот коляска еще долго, плавно скользила по инерции мимо темных трибун, унося их прочь от реальности, заставляя забыть обо всех бедах, предательствах и штормах.

Алексей Петрович стоял в тени, убрав телефон. Он смотрел на эту картину, не упуская ни единой детали, и в его груди, в его сознании в эти минуты происходила настоящая, сокрушительная революция.

Взгляд мужчины, годами выстраивавшего вокруг себя стены холодного прагматизма, жадно впитывал образ Евы. Неужели эта манящая, чувственная, молодая женщина, которая с такой царственной уверенностью держится на льду, которая дышит страстью и первозданной энергией, — та самая угловатая, испуганная девочка? Та Евка, которая когда-то крошечными пальчиками судорожно держалась за его огромную ладонь, боясь затеряться в толпе, когда они втроем ходили в зоопарк?

В памяти Алексея Петровича вспыхнул недавний день. Офис. Серьезное деловое издание. Специально приглашенный фотограф делал их совместные снимки для прессы, чтобы объявить о помолвке. Всё происходило в жуткой спешке, между тяжелым совещанием и международной встречей. Время поджимало, он едва взглянул на неё тогда — пришла, встала рядом, подписала необходимые бумаги, сфотографировалась. Как она выглядела? Да какая разница, это было неважно, просто элемент бизнес-плана.

Он преступно, слепо не замечал, когда эта девочка успела вырасти. Когда её угловатость превратилась в манящие округлости, а робкий взгляд — в омут. С того дня, как она переступила порог его дома, несмотря на то, что она уже сама стала матерью, она оставалась для него лишь подопечной. Ребенком, которому нужно помочь. Объектом его покровительства. Да что там говорить — еще два часа назад, когда они выходили из особняка, она была для него просто «девочкой Евой».

Но сейчас, здесь, под безжалостным светом прожекторов ледовой арены, он впервые увидел в ней Женщину.

Сильную, бесконечно желанную, опасную в своей расцветающей зрелости. Каждое её движение на льду, каждый изгиб тела, обтянутого тренировочным костюмом, излучали такую мощную, первобытную сексуальность, что жесткое, казалось, давно зацементированное мужское начало Крылатова отозвалось мгновенно. Внизу живота завязался тугий, горячий узел. В нем проснулись глухие, хищные, чисто плотские желания, которые он доселе успешно подавлял. Эта женщина принадлежала ему по документам. Но сейчас он захотел, чтобы она принадлежала ему по праву сильного.

Когда они вышли на паркинг у главного входа, воздух казался душным. Света и Николай уже направлялись к машине, на которой приехали. Алексей Петрович подошел к своей машине, открыл дверцу и, не оборачиваясь, сухо, почти приказным тоном бросил в пространство:

— Ева, садись ко мне.

В его глухом, изменившемся голосе прозвучало то, чему невозможно было не подчиниться — и чему нельзя было отказать.

В салоне представительского автомобиля пахло дорогой кожей, парфюмом с нотами табака и сандала и тем звенящим, опасным электричеством, от которого волоски на коже встают дыбом.

Алексей Петрович завел мощный двигатель, но машина осталась стоять на паркинге. Он молча повернулся корпусом к Еве. Девушка сидела неподвижно, уставившись в боковое стекло. За окном в желтом, мертвенном свете уличного фонаря кружились мелкие, колючие снежинки. Весна в этом году опаздывала — уже апрель, а зима всё никак не хотела отпускать город, словно отражая то, что происходило у Евы в душе. Задумавшись, погруженная в свои незатихающие раны, она не замечала, что мужчина уже несколько минут беззастенчиво, жадно изучает её лицо, шею, линию губ.

Да уж... зацепила. Зацепила не по-детски, — думал Крылатов, чувствуя, как внутри него ворочается тяжелый, темный зверь. В свои сорок пять лет он, умудренный опытом жесткий циник, сейчас с трудом сдерживал бешено колотящееся сердце, чтобы просто не наброситься на нее. Собственное тело отказывалось подчиняться разуму. Он ведь не святой. Надо было отпустить её с Колей и Светой, отправить от греха подальше на другой машине. Не смог. Не хватило сил выпустить её из поля зрения. Ева, сама того не ведая, обволакивала всё пространство вокруг себя этой мягкой, чувственной, чисто женской энергией, и его тянуло к ней как магнитом. Араб этот... Салман... он, небось, её сутками из постели не выпускал, — промелькнула грязная, обжигающая мысль. Как он вообще смог уйти от нее? Как это возможно — добровольно отказаться от такого сокровища?

— Ты беременна? — его голос прозвучал слишком резко в замкнутом пространстве.

Ева, убаюканная мыслями, не расслышала.

— Ева, ты беременна? — повторил он, и на этот раз в его тоне прорезались властные, хозяйские нотки.

Девушка вздрогнула и медленно повернула к нему голову. Под его пристальным, тяжелым взглядом, который буквально сканировал её, просвечивая насквозь, она густо покраснела и смутилась.

— Да, Алексей Петрович...

— Что будешь делать?

— Что? — Ева на секунду встретилась с ним глазами и внутренне сжалась от испуга.

— С беременностью что решила? — он смотрел на нее не мигая, и в полумраке салона его глаза казались фосфорическими, как у дикого зверя на охоте. — Аборт?

Для него это был, пожалуй, самый важный, переломный вопрос. Он ждал её ответа, затаив дыхание. Если она согласится избавиться от ребенка ради карьеры или фигуры, в нем умрет к ней всякое уважение.

— Нет, — негромко, но с такой гранитной, звенящей твердостью ответила она, что Крылатов даже приподнял брови.

— Почему? Фигура ведь будет ни к черту. Про лед надолго придется забыть.

— Я не могу его убить... — с жаром, почти с обидой воскликнула Ева, защищая еще не родившуюся жизнь. — Это мой ребенок. Моя кровь. И... и Данька будет не один. У него должен быть брат или сестра.

Слава Богу, — мысленно выдохнул Алексей Петрович, и где-то глубоко внутри него разлилось глухое удовлетворение. В отличие от большинства современных девиц её возраста, в этой девочке было то, что он ценил превыше всего — внутренний закон. Святость материнства.

— Кто отец? — его голос снова стал ледяным.

— Я... я вам говорила про него. Это араб. Салман, — Ева опустила глаза и дрожащими пальцами заправила выбившийся локон за ухо.

— Он же и отец Даньки? — это был скорее приказ подтвердить очевидное, чем вопрос.

— Да, Алексей Петрович, — она сглотнула сухой ком. Внутри нарастала тревога. Крылатов сегодня был совершенно другим. Не тем добрым, заботливым другом семьи, к которому она привыкла с детства. От него веяло опасной мужской силой.

— Откуда он вообще взялся? — процедил Крылатов. Ему хотелось знать о сопернике каждую деталь. Он его уже ненавидел. Ненавидел за то, что тот прикасался к ней, за то, что оставил в ней свой след.

— Мы с ним в Самаре познакомились. В прошлом году, — не поднимая глаз, тихо ответила она.

— Что ты там делала?

— Мы летали туда с Олегом... — Ева осеклась, прикусив язык, поняв, что сболтнула лишнее.

— Вот как? — одна бровь Крылатова поползла вверх, а лицо потемнело. — Была там с законным мужем, а ребенка араб заделал?

Эта мозаика её прошлого складывалась в его голове в какую-то грязную картину, и Ева сейчас раскрывалась для него с совершенно дурной, двусмысленной стороны.

— Мы тогда с Олегом только дружили! — в её голосе звякнули слезы и протест. Ей до смерти надоел этот жестокий, препарирующий допрос, но деваться из запертой машины было некуда — оставалось только сидеть и отвечать.

— Дружили, значит... — прищурился он. — И второго ребенка тебе тоже он заделал. И снова исчез, оставив тебя расхлебывать кашу? Что между вами произошло, Ева? Что не так?

— Так получилось... — её голос сорвался, она отвернулась к окну, чувствуя, что еще секунда — и она разрыдается.

— Я не понял, почему он ушел? — тон Крылатова стал по-настоящему резким, бьющим наотмашь.

— Наверное... разлюбил, — прошептала она, и первые слезы тонкими, горячими струйками хлынули из глаз. Девушка уставилась себе под ноги, судорожно сжимая пальцы, пытаясь скрыть свою слабость.

— Любишь его? — жестко спросил Алексей Петрович. Ева молчала, глотая слезы. — Любишь его?! — повторил он еще раз, и этот вопрос прозвучал как удар хлыста.

Она беззвучно, надрывно кивнула головой. Слезы душили её, дыхание сбилось, грудь ходила ходуном от безвыходного, черного горя.

Крылатов молча смотрел на её качающиеся плечи. Внутри него бушевал пожар ревности и темного торжества. Он протянул руку, перехватил её за подбородок и заставил посмотреть на себя.

— Слушай меня сюда и запоминай, — заговорил он чужим, страшным, леденящим тоном. — Отныне ты для всего мира — моя невеста. Единственная женщина Алексея Крылатова. И никаких арабов, никаких бывших мужей-футболистов, вообще никого больше рядом с тобой не будет. Это вопрос моей личной репутации и безопасности моей семьи. Я никому не позволю выставлять меня дураком перед прессой и портить мне имя. Ты меня поняла?

Ева смотрела на него через пелену слез, испуганная, дезориентированная. Перед ней сидел безжалостный чужак, готовый раздавить её остатки свободы. Она молчала, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты поняла меня, Ева?! — переспросил он еще грубее, едва ли не встряхнув её.

Этот окрик стал последней каплей. Защитная дамба рухнула. Ева закрыла лицо ладонями и зашлась в глухих, отчаянных, истерических рыданиях. Тяжелый пирог её проблем, о котором говорил Николай, окончательно раздавил её прямо здесь, на этом кожаном сиденье.

И в этот момент у Алексея Петровича внутри что-то оборвалось. Раскаленная ярость и собственнический пыл внезапно отступили, оставив место щемящей, глубокой боли. Сердце его болезненно сжалось. В этих беззащитно вздрагивающих плечах, в этом детском, безвыходном плаче он вдруг снова отчетливо увидел ту самую маленькую, испуганную Еву, которая когда-то крепко держала его за руку в зоопарке, ища защиты от огромного мира.

Вся его суровость испарилась, уступив место безумной, щемящей нежности.

— Глупенькая... Ну что ты плачешь? — тихо, с какой-то надрывной лаской проговорил он. — Ну тихо, тихо... Иди ко мне.

Он порывисто притянул её к себе, и крепко, до хруста обнял, прижимая к своей широкой, надежной груди.

Глава 6

Утро следующего дня встретило особняк мягкими лучами запоздалого весеннего солнца, пробивавшимися сквозь тяжелые портьеры. Собираясь в офис, Алексей Петрович спустился в столовую. Он никогда не любил плотно завтракать в такую рань — многолетняя привычка требовала лишь одного: перед самым выходом выпить чашку крепкого, свежесваренного черного кофе. Нина Сергеевна знала его безупречный вкус до тонкостей и всегда готовила напиток лично, наполняя дом густым, бодрящим ароматом.

В столовой уже было людно. Ева, успевшая покормить маленького Даньку и усадить его в просторный манеж среди ярких игрушек, тихо сидела за столом. Она мелкими глотками пила горячий чай с молоком, укутавшись в уютный домашний кардиган, который делал её хрупкую фигуру еще более незащищенной. Воспоминания о ночных объятиях в машине, о его сильных руках и внезапной нежности до сих пор смутным эхом отзывались в её теле, заставляя сердце тревожно биться при звуке его шагов.

— Доброе утро, Ева, — произнес Алексей Петрович, проходя к столу.

В его голосе не осталось и следа от вчерашней леденящей суровости. Напротив, судя по бархатному, глубокому тону, настроение у хозяина дома сегодня было превосходным. Он выглядел безупречно — дорогой костюм-тройка подчеркивал его крепкую, атлетическую фигуру, а в глазах, когда он взглянул на девушку, вспыхнул едва уловимый, горячий огонек.

— Доброе, Алексей Петрович, — Ева чуть заметно вздрогнула и опустила глаза, разглядывая свою чашку.

— Как твое настроение? Как себя чувствуешь? — он остановился совсем рядом, и Ева физически ощутила исходящую от него волну густого, уверенного мужского тепла.

— Всё хорошо. Спасибо вам.

— Ева, будь готова к вечеру, — Крылатов взял в руку чашку с кофе, но его взгляд оставался прикованным к её лицу, беззастенчиво любуясь нежной кожей и пушистыми ресницами. — Мы ужинаем в ресторане. Точное время я сообщу тебе позже, в течение дня. Мы люди публичные, пресса не спускает с нас глаз. Нам нужно хоть изредка выходить в свет вместе. Как и полагается паре.

— Хорошо, Алексей Петрович, я поняла, — послушно кивнула она.

Мужчина поставил чашку на блюдце, полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда тонкий пластиковый прямоугольник из черного золота. Он уверенным, скользящим движением положил карту на стол прямо перед её рукой.

— Вот, возьми. Это безлимитная кредитка. Ни в чем себе не отказывай. С этого дня у тебя должно быть всё самое лучшее, самое дорогое. Поняла меня?

Ева испуганно взглянула на черную карту, словно та была раскаленным углем, и порывисто отодвинула руку.

— Нет, что вы, не нужно... Алексей Петрович, я и так живу у вас на всем готовом. Вы столько делаете для моей мамы, для детей... Спасибо вам огромное, но деньги — это лишнее. Я не могу взять.

Крылатов слегка нахмурился, и в его облике снова проступил тот самый властный, не привыкший к отказам мужчина, перед которым трепетали бизнес-партнеры. Он сделал шаг вперед, сокращая и без того хрупкую дистанцию между ними, наклонился к ней так близко, что Ева уловила тонкий аромат его парфюма.

— Я сказал — бери, — его голос упал до вкрадчивого, низкого полупшепота, от которого у нее по спине пробежали мурашки. — Это не обсуждается, Ева. Твой статус отныне обязывает. Ты официально — невеста Алексея Крылатова. Этим всё сказано. Моя женщина должна быть обеспеченной, и не считать копейки.

Ева сглотнула подступивший ком, чувствуя, как его непреклонная воля буквально подчиняет её себе. Решаться на спор с этим человеком было бесполезно, да и глупо.

— Хорошо. Спасибо, — тихо ответила она, покорно придвигая к себе карту.

Лицо Крылатова тут же разгладилось, на губах заиграла довольная, сытая улыбка мужчины, который получил то, что хотел.

— Вот и умница. Чтобы сегодня вечером ты выглядела как настоящая королева. Сходи по шопингу, развейся. Женщины ведь обычно любят все эти тряпки и салоны. Побалуй себя.

— Хорошо, не волнуйтесь. Я постараюсь.

— И вот еще что... — Алексей Петрович вдруг замолчал, заставив Еву снова поднять на него глаза. Он смотрел на нее в упор, жадно, открыто, и в этом взгляде уже без всяких масок читалось голодное, зрелое плотское вожделение. Мужчина в нем истомился по этой хрупкой сексуальности. — Не называй меня больше «Алексей Петрович». Отвыкай. Слышишь? Невеста не должна звать своего жениха по имени-отчеству, мы же не в старообрядческом обществе живем. И, пожалуйста... давай на «ты». Договорились?

Внутри у Евы всё перевернулось. Переход на «ты» ломал последнюю стену безопасности, которая защищала её от него. Это делало их пугающе близкими. Но, глядя в его горящие, гипнотизирующие глаза, она лишь слабо кивнула:

— Договорились.

— Вот и отлично. Значит, до вечера, — Крылатов сделал последний глоток кофе, поставил чашку на стол и, больше не говоря ни слова, стремительно вышел из столовой. Ева еще долго смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри неё разгорается смутное, тревожное и одновременно пугающее предчувствие. — Я отправлю за тобой машину с водителем! — донесся его уверенный голос уже из прихожей.

Помня слова Крылатова, которые он так властно бросил ей перед уходом, Ева понимала: права на ошибку у нее нет. Теперь она обязана соответствовать его высокому, недостижимому статусу и выглядеть безупречно. Ей нужно было стать той самой королевой, которую он жаждал увидеть.

Почти весь день Ева провела в элитном Торговом центре. Она переходила из одного бутика в другой, примеряя роскошные шелка, струящийся бархат и изящные туфли на шпильках, которые подчеркивали её точеные, натренированные спортом ножки. Это была её первая легальная вылазка в мир роскоши после долгих недель страха и слез. Выбор был мучительным, но когда в финале она взглянула на свое отражение в зеркале закрытого VIP-зала, Ева поняла: результат стоил каждой потраченной минуты и каждого цента на черной карте Крылатова. Из зеркала на нее смотрела женщина, перед которой не устоит ни один мужчина в мире.

Представительский лимузин мягко затормозил у сияющего огнями входа в один из самых статусных и закрытых ресторанов города. Водитель предупредительно распахнул дверцу, помогая Еве выйти, и проводил её до массивных стеклянных дверей. Воздух апрельского вечера дышал сыростью и колким холодом, но внутри заведения царило блаженное, приглушенное тепло.

Администратор — безупречно вышколенная девушка с заученной, но дорогой улыбкой — едва услышав имя, на которое был зарезервирован центральный стол, понимающе склонила голову.

— О, разумеется. Алексей Петрович уже на месте и ожидает вас. Позвольте, я провожу вас, — любезно предложила она.

Проходя по роскошному, утопающему в полумраке залу, Ева физически ощутила, как пространство вокруг нее изменилось. Шелковое, струящееся платье, выбранное днем в элитном бутике, облегало её точеную фигуру как вторая кожа, подчеркивая безупречную осанку и грацию профессиональной спортсменки. Из полумрака кабинок на нее устремились десятки восхищенных, оценивающих, а порой и откровенно завистливых взглядов. Ева отметила это с легким, чисто женским удовольствием, но внутри неё, точно часовой механизм, уже начинала тикать глухая, липкая тревога. Каждой клеточкой тела она предчувствовала встречу, которая изменит всё.

Крылатов заметил её в ту самую секунду, как её тонкий силуэт переступил порог зала. Он сидел, небрежно откинувшись на спинку дорогого кожаного кресла, и весь его облик излучал абсолютную, непоколебимую власть. Алексей Петрович знал себе цену. Мужчина, который по всем неофициальным рейтингам прессы из года в год входил в десятку самых привлекательных и влиятельных холостяков страны, привык к избыточному, порой удушающему женскому вниманию. Но он был крайне, даже брезгливо разборчив в выборе тех, кто имел право сидеть с ним за одним столом. Его всегда окружали первые красавицы, победительницы престижных конкурсов, топ-модели. Однако всё это было лишь глянцевой шелухой, внешней пылью в глаза конкурентам и падкой на сенсации публике.

В глубине своей наглухо запертой души Крылатов оставался суровым консерватором, когда-то свято верившим в честность, порядочность и незыблемость семейных традиций. Со своей покойной женой он познакомился еще в студенческие годы. Это была редкая, чистая любовь — они дышали в унисон, строили бизнес-планы, вместе радовались рождению единственного сына и мечтали, чтобы маленький Коля непременно стал известным фигуристом. Почему именно этот спорт? Алексей сам не знал. Просто его любимая женщина обожала лед, его хрустальную чистоту и полет.

А потом, когда Николаю едва исполнилось пять, её не стало. Онкология сожрала её за считанные месяцы, обуглив его душу до основания. Спасти её не удалось. С тех пор Крылатов жил на разрыв: строил империю, стирая в порошок конкурентов, и вопреки всему воплощал в жизнь мечту умершей жены, отдавая все силы сыну и его ледовой карьере. Годы шли. Сначала у него просто физически не было времени на личную жизнь — он искал не любовницу, а мать для Коли, но так и не встретил ту, что смогла бы искренне полюбить чужого ребенка. А позже, когда капитал перешагнул отметку с девятью нулями, он окончательно цинично осознал: жен-

щинам от него нужны лишь статус и безлимитные карты. Мир жестокого бизнеса, в котором он стал акулой, вытравил из него остатки романтизма. Алексей Петрович принял эти правила. Его устраивали сухие отношения, где плотская любовь покупалась и продавалась по четкому прейскуранту. Вопрос был лишь в цене. А в свою душу он больше не пускал никого — там почти двадцать лет стояла гробовая, ледяная тишина.

И вот сейчас, наблюдая за тем, как Ева неторопливо, с кошачьей грацией идет к нему между столиками, Крылатов — как истинный, порочный ценитель прекрасного — признал: она выглядит безупречно. В его голове, привыкшей всё классифицировать, цинично мелькнула мысль: «Пожалуй, это лучший экземпляр в моей коллекции». И тут же жестко, мысленно исправил сам себя: «Будет лучшим». Для него красивая женщина была лишь дорогим, статусным украшением успешного мужчины. На большее они в его понимании просто не были способны.

— Вот, пожалуйста, Ваш столик. Присаживайтесь, — заученно пропела администратор. Ева вежливо улыбнулась ей в ответ, повернулась к Крылатову и почувствовала, как горло перехватывает спазмом.

— Добрый вечер, Алексей Петм-м... — она осеклась на полуслове, мгновенно вспыхнув густым румянцем от ушей до ключиц. Воспоминание об утреннем уговоре обожгло её. Стыд и неловкость затопили сознание. Пытаясь справиться с волнением, она порывисто заправила за ухо несуществующий локон.

— Добрый, — коротко отозвался он.

Алексей Петрович даже не подумал скрыть своего откровенного, раздевающего взгляда. Он беззастенчиво, медленно просканировал её с ног до головы, впитывая каждую деталь её нового образа. Выглядела она на все тысячи из ста возможных — словно сошла с подиума Парижской Недели Высокой моды. Ева поймала его оценивающий взгляд и поняла, что он доволен. Ей, как любой женщине, вынесшей этот многочасовой марафон шопинга, подсознательно хотелось услышать хотя бы короткий комплимент. Но Крылатов остался верен своей суровой, деспотичной манере. Вместо похвалы он лишь веско, непреклонно обронил:

— Теперь ты должна выглядеть так всегда. Соответствуй.

Наконец, удовлетворив свой эстетический голод, он поднялся с кресла, чтобы помочь ей присесть. Обойдя её со спины, Алексей Петрович пододвинул тяжелый стул. Ева начала опускаться, как вдруг его горячее дыхание коснулось её открытой шеи. Он не сдержался. Жажда обладания, разбуженная еще на катке, вспыхнула с новой силой. Наклонившись слишком близко, он обжигающе поцеловал её в нежную кожу чуть ниже ушка.

От неожиданности и пронзившего её страха Ева резко повернула голову, и в это мгновение их губы совершенно случайно, вскользь встретились. Это был мимолетный, трепетный, но пугающе интимный поцелуй. На долю секунды их взгляды скрестились — в его глазах горел первобытный огонь хозяина, в её — плескался животный испуг.

Кровь с шумом ударила Еве в лицо, она попыталась отшатнуться, смущенно отворачиваясь, но Крылатов не позволил ей сбежать. Мгновенно его тяжелая, сильная ладонь опустилась на её обнаженное плечо. Слишком грубо, заявляя свои безоговорочные права, он больно сжал пальцы, впиваясь в её шелковую кожу так, что на ней тут же проступили багровые отпечатки.

Ева судорожно вздрогнула, из её груди вырвался короткий, тихий стон боли.

Мужчина с глумим, сытым удовольствием зафиксировал эту реакцию. Он почувствовал, как её тело предательски отзывается на грубую ласку, и его собственное мужское начало мгновенно среагировало мощным, горячим приливом. Ему стоило колоссальных, невероятных усилий воли удержать себя в руках прямо здесь, в публичном месте, и не продолжить жадно препарировать это хрупкое тело руками. Не сводя с нее прожигающего, хищного взгляда, он медленно выпрямился, обогнул стол и сел напротив.

Она сидела перед ним — такая юная, пугающе естественная, без капли фальши, силикона или привычных ему светских ужимок. Бери — не хочу, только руку протяни. Тонкая ткань её платья с неглубоким, но изящным декольте едва заметно приоткрывала соблазнительную ложбинку между грудями. Эти округлые, налитые формы, едва прикрытые легким шелком, будоражили его воображение, заставляя внутренний огонь разгораться всё сильнее. Он знал, что она разбита. Знал, что она до хруста костей любит своего араба. Но его это не волновало. Чужие чувства были для него лишь досадным шумом. Он хотел её себе. Всю, без остатка.

Ева смутно, словно в тумане, помнила, как прошел этот ужин. Весь вечер она просидела, буквально съежившись под его тяжелым, расплавленным взглядом, который, казалось, прожигал шелк её платья насквозь. Она физически не могла поднять глаз от тарелки. Ей было невыносимо неловко, стыдно до тошноты. Оказаться в роли любовного трофея, в такой недвусмысленной, порочной ситуации с человеком, который долгие годы был для нее незыблемым авторитетом, названным отцом — это ломало её сознание.

Стол ломился от изысканных блюд, которые Алексей Петрович, досконально знавший кухню этого заведения, заказал на свое усмотрение, даже не посчитав нужным спросить её мнения. Себе он взял дорогой коньяк, но Ева, невольно вспомнив вечно пьяные загулы своего бывшего мужа Олега, отметила, что Крылатов пьет мало, строго контролируя каждую каплю и каждый свой жест. Для нее же он властно распорядился принести свежавыжатый фреш, коротко отрезав:

— В твоём положении это полезнее всего. Тебе нужны витамины.

Кусок не лез Еве в горло. Жажда и голод пропали, сменившись одним-единственным, бьющим в виски желанием — как можно скорее сбежать из этого душного, золоченого плена, обратиться подальше от этого страшного мужчины или просто провалиться сквозь землю, лишь бы не чувствовать на себе его обещающий скорую расправу взгляд.

От его тяжелого, сканирующего взгляда не укрылась ни одна деталь. Алексей Петрович с хищным удовольствием наблюдал, как Ева то бледнеет, то краснеет до корней волос. Её пальцы мелко дрожали: она то судорожно заправляла за ухо несуществующий локон, то принималась поправлять и без того безупречно уложенные в салоне волосы. На его вопросы она отвечала невпопад, тихим, прерывистым шепотом, и испуганно, как затравленный зверек, опускала глаза, стоило ему приподнять подбородок.

Её очевидная беспомощность, этот первозданный, чистый стыд не просто будоражили его воображение — они вызвали в нем бешеное, темное возбуждение. Внутренний зверь Крылатова торжествовал, предвкушая скорое, жаркое продолжение этого вечера дома, в своей огромной постели. Он уже мысленно присвоил её.

— Ева, ты поразительно молчалива сегодня, — он лениво пригубил коньяк, глядя на нее поверх бокала. В его глазах отражались блики ресторанных свечей. — Почему?

— Наверное... просто устала на шопинге, — она попыталась выдавить непринужденную улыбку, но губы её не слушались, превращаясь в натянутую, фальшивую линию. Ей хотелось казаться сильной, но голос предательски дрожал.

— Посмотри на меня, — не терпящим возражений тоном потребовал он.

Ева порывисто вздохнула. Обреченно, робко подняла глаза. Её щеки полыхали огнем. Крылатов не упустил момента: его взгляд медленно, осязаемо скользнул ниже, задерживаясь на полуоткрытой, тяжело вздымающейся груди.

— Тебя что-то смущает в моем обществе?

— Нет... — она снова поправила волосы, судорожно сжав под столом ладони в кулаки. Нарастающая тревога уже перерастала в панику.

— Тогда что происходит? — его тон мгновенно изменился, став уверенным, сухим, деловому жестким. Так он разговаривал с подчиненными, которые пытались его обмануть.

— Ничего... Всё нормально, — почти прошептала она, чувствуя, как в горле завязывается тугой узел.

— Ева, давай без глупостей, — Алексей Петрович криво, цинично усмехнулся, отставляя бокал. — Ты уже далеко не наивная девочка. Ты молодая, чертовски соблазнительная женщина. И ты прекрасно знаешь, какую реакцию вызываешь у мужчин. Какое внимание к себе привлекаешь. Не так ли?

Она смотрела на него во все глаза, онемев от этой внезапной, бьющей наотмашь прямоты, и не находила слов для ответа. Мир вокруг нее стремительно рушился. Человек, которого она считала своей скалой и защитой, на глазах превращался в палача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.